

Владимир
Жданов

Неизвестный Толстой

Тайная жизнь гения

Гении и злодеи

Владимир Жданов

**Неизвестный Толстой.
Тайная жизнь гения**

«Алисторус»

1928

Жданов В. А.

Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения / В. А. Жданов — «Алисторус», 1928 — (Гении и злодеи)

Эта книга исследователя творчества Льва Толстого В. А. Жданова (1898–1974) затрагивает сложнейшие и интимные стороны жизни русского гения. Впервые изданная в 1928 году с привлечением неопубликованных дневниковых записей писателя, она вызвала немало споров и неприятий. Увлечения и любовь, взаимоотношения с женой, чувственные переживания и борьба с ними... Классик мировой литературы предстает здесь во всей полноте своей непостижимой личности, со всеми метаморфозами души прожитых лет. В конце жизни Толстой, всегда жаждущий идеальной любви, назовет это чувство низменным, а его семейное счастье обернется семейным разладом.

© Жданов В. А., 1928

© Алисторус, 1928

Содержание

От автора	5
Книга первая	6
Часть первая	6
Введение	6
I	8
II	10
III	14
IV	19
V	24
VI	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Александрович Жданов

Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения

От автора

Рассказать не о внешних событиях жизни, а о современных душевных переживаниях – задача почти невыполнимая для исследователя. Это сделает тот биограф, в котором счастливо сочетаются интуиция большого художника с точностью беспристрастного историка.

Но это дело будущего, и мое намерение было много скромнее. Я собирал разбросанные документы и систематизировал их, стараясь, насколько возможно, вести изложение не от своего имени, а словами действующих лиц. Эту книгу следует рассматривать как первую попытку систематизации материалов для будущей биографии, а те выводы, которые я осторожно намечал, занимают второстепенное место. Эта особенность моей работы и дает мне право на ее опубликование.

В архивных материалах особенности правописания и пунктуации подлинников мною не сохранены. Сокращенные слова по возможности приведены полностью. В сомнительных случаях окончания включены в прямые скобки. Иногда, в случаях и не сомнительных, но ради сохранения колорита, эти сокращения оставлены или так же отмечены прямыми скобками.

Многоточие подлинников оговорено в примечании. В нескольких больших цитатах наше многоточие взято в прямые скобки и многоточие подлинников не оговорено.

По вопросу о датировке следует отметить, что даты писем Л. Н. Толстого к жене взяты со второго издания этих писем (М., 1915). Даты писем С. А. Толстой к мужу проставлены были на тех хранящихся в Ясной Поляне собственноручно переписанных Софьей Андреевной копиях, которые использованы для этой работы. В письмах к Т. А. Кузминской и в других приведенных здесь документах из архива Татьяны Андреевны датировка проверена и установлена М. А. Цявловским и мною. Часть этих писем была датирована при их написании. Даты опубликованных писем и писем из архива В. Г. Черткова мною не изменялись.

Письма Толстого к Фету исправлены и дополнены по новым данным, опубликованным Н. Н. Гусевым в журнале «Печать и Революция» (1927, кн. 6). Дневники Л. Н. Толстого по возможности проверены по лучшим, подготовленным к печати копиям. Цитаты из опубликованных ранее дневников исправлены по выверенным копиям. Печатными материалами – книги, журналы, газетные статьи – я пользовался преимущественно из библиотеки Толстовского музея.

Приношу глубокую благодарность всем лицам, содействовавшим моей работе. Особенно же благодарю за просмотр книги в рукописи, ценные указания и внимательное отношение С. А. Стахович, М. М. Чистякову, Г. А. Волкова, М. А. Цявловского и К. С. Шохор-Троцкого.

В. Жданов

Москва, 20 февраля 1928 г.

Книга первая

Часть первая Молодость

Введение

Первая часть этой книги представляет попытку описать интимные переживания Толстого в юности и молодости, переживания «ужасных 20 лет¹, или периода грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, похоти»².

Биографические работы о Толстом, более или менее полные, с той или иной точки зрения освещающие отдельные моменты его жизни и ступени его духовного роста, не уделяли этому вопросу достаточного внимания. Одни считали, возможно, эти переживания незначительным явлением жизни, не оказавшим серьезного влияния на жизненный опыт Толстого; другими, вероятно, руководило заслуживающее уважения и вполне понятное чувство деликатности перед памятью великого человека.

«Никакой род преступлений людских против нравственного закона не скрывается с такой тщательностью людьми друг перед другом, как преступления, вызываемые половой похотью; и нет преступления против нравственного закона, которое было бы так обще всем людям, захватывая их в самых разнообразных и ужасных видах; нет преступления против нравственного закона, на которое смотрели бы так несогласно люди, – одни, считая известный поступок страшным грехом, другие – тот же поступок самым обычным удобством или удовольствием; нет преступления, на счет которого было бы выказываемо столько фарисейства; нет преступления, отношение к которому показывало бы так верно нравственный уровень человека, и нет преступления более губительного для отдельных людей и для движения вперед всего человечества»³, – писал в старости Лев Николаевич. И вполне понятно то чувство робости и стесненности, которое охватывает исследователя, когда он доходит до этой интимной стороны жизни Толстого.

Но обойти ее молчанием, общими фразами или краткими цитатами после того, как сам Толстой неоднократно обращал наше внимание на условия его холостой жизни, все же нельзя. В этом вопросе, вызывающем столько различных толков и голословных утверждений, нужна полная ясность – замалчивать его не следует.

За последнее время уделяется серьезное внимание половой проблеме и все больше уясняется значение полового инстинкта в жизни человека. Как же можем мы обходить этот вопрос при изучении жизни и творчества Толстого?

Толстой принадлежит человечеству. Толстой – исключительное по яркости явление, и, проникая в тайны этого явления, мы постигаем скрытые, глубокие законы жизни.

Толстой не нуждается в нашем оправдании. Память его не будет омрачена добросовестным изучением его поступков; не оскорбит ее и нездоровое любопытство случайного читателя.

Лев Николаевич думал одно время сам написать свою биографию. Об этом он рассказывает в своих «Воспоминаниях»: «Когда я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду,

¹ С 14 лет до женитьбы – до 34 лет.

² «Воспоминания».

³ Мысли Л. Н. Толстого о половом вопросе, собранные В. Г. Чертковым.

не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна бы была произвести такая биография... [Но] если писать биографию, то надо писать всю настоящую правду. Только такая биография, как ни стыдно мне будет писать ее, может иметь настоящий и плодотворный интерес для читателей». А в дневнике 1895 г. (27 марта), намечая свое первое завещание, он записывает: «Дневники моей прежней холостой жизни, выбрав из них то, что стоит того, я прошу уничтожить... не потому, что я хотел бы скрыть от людей свою дурную жизнь: жизнь моя была обычная дрянная жизнь *беспринципных молодых* людей, но потому, что эти дневники, в которых я записывал только то, что мучило меня сознанием греха, производят ложно-одностороннее впечатление и представляют... А впрочем, пускай остаются мои дневники, как они есть. Из них видно, по крайней мере, то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не был оставлен Богом и хоть под старость стал немного понимать и любить Его».

То же предостережение о возможности ложно-одно стороннего представления о его молодости Лев Николаевич делает в «Воспоминаниях детства»: «В этот период жизнь моя не была сплошным злом, каким она представлялась мне во время болезни, и в этот период во мне пробуждались порывы к добру, хотя и недолго продолжавшиеся и скоро заглушаемые ничем не сдерживаемыми страстями».

Эти свидетельства Толстого особенно важны для нас, так как в первой части этой книги в значительной мере использованы дневники холостой жизни. Мы сознательно ограничили тему и опустили другие не менее интересные и яркие моменты молодости Толстого. Возможно, что биографический материал, подобранный на такую ответственную тему, произведет на мало знакомого с жизнью Толстого читателя ложно-одностороннее впечатление. Такой читатель, желающий ознакомиться с остальными событиями внутренней жизни Льва Николаевича, может обратиться к крупным биографическим работам Н. Н. Гусева и П. И. Бирюкова. Перед нами другая задача: восполнить пробел в жизнеописаниях Толстого и наметить первую предпосылку для разрешения проблемы личной жизни Льва Николаевича, его семейного счастья, семейной трагедии и величественного конца. Мы не сумеем постигнуть психологические причины его переживаний, нам не удастся разгадать смысл такого необычайного явления в истории человечества, каким мы все считаем жизнь Толстого, если мы не учтем ее полностью и не используем выводов, вытекающих из изучения фактов его молодости.

Увлечения и любовь, жажда семейной жизни и чувственное влечение к женщине – вот два основных настроения, держащих в своей власти молодого Толстого, вот содержание первой части нашей книги.

Кроме дневников, использованы письма 1848–1862 гг. и художественные произведения с ярко выраженным автобиографическим содержанием. Однако к последней категории материалов приходится относиться с большой осторожностью, так как несомненно, что автобиографические данные в значительной мере изменены силою художественного творчества. Сам Толстой по поводу «Детства» говорит: «Замысел мой был описать историю не свою, а моих приятелей, оттого вышло нескладное смешение событий их и моего детства».

Подобные же оговорки следует, вероятно, сделать и относительно других произведений, использованных для этой работы. И, тем не менее, мы не допустим ошибки, если будем рассматривать эти произведения не в качестве бесспорных документов, а только как фон, выделяющий ярче отрывистые записи дневников и цитат из писем. Думается, что мы немногим уклонимся от истины, если сочтем переживания героев отчасти совпадающими с переживаниями автора.

Художественными произведениями мы воспользовались только для описания первых лет юности Толстого; факты остальных десяти лет его молодости, до женитьбы, мы полностью берем из дневников, писем и воспоминаний.

Избранная нами тема обязывает к исключительно осторожному подходу, почему интимные записи дневника приведены здесь не все.

В нашу задачу не входит описание внешней картины жизни Толстого. Записями дневника мы пользуемся только как свидетельством внутренних переживаний, дающим возможность со всей тщательностью проследить эти переживания, чтобы расчистить путь для понимания всего Толстого.

I

Наш обзор начинается тем периодом, когда в Толстом половое чувство пробудилось, громко заговорило, впервые предъявило свои права. Новые настроения проникли в детскую душу и произвели в ней смятение. Они были безотчетны и непреодолимы. Они сыграли исключительную роль, послужив гранью между двумя периодами жизни. Через многие годы Толстой с волнением вспоминал этот роковой перелом, и в одном автобиографическом произведении точно определил роковой возраст: 14 лет. Он писал: «Четырнадцать лет, когда я узнал порок телесного наслаждения, и ужаснулся ему. Все существо мое стремилось к нему, и все же существо, казалось, противилось ему»¹. Но в этих словах душевное состояние подростка не совсем верно передано: в них отразилась мысль зрелого человека. А в те, отроческие, годы главное: его занимало неосознанное тяготение к чему-то, и для мучительной рефлексии мало было оснований. Первой ступенью к раскрытию этой новой стороны было для Толстого его изменившееся отношение к горничной, о чем он говорит в «Отрочестве».

«Ни одна из перемен, происшедших в моем взгляде на вещи, не была так разительна для самого меня, как та, вследствие которой в одной из наших горничных я перестал видеть слугу женского пола, а стал видеть *женщину*, от кото¹ «Записки сумасшедшего».

рой могли зависеть в некоторой степени мое спокойствие и счастье.

С тех пор, как помню себя, помню я и Машу в нашем доме, и никогда, до случая, переменявшего совершенно мой взгляд на нее... я не обращал на нее ни малейшего внимания. Маше было лет двадцать пять, когда мне было четырнадцать; она была очень хороша... необыкновенно бела, роскошно развита и была женщина, а мне было четырнадцать лет...

Я по целым часам проводил иногда на площадке без всякой мысли, с напряженным вниманием прислушиваясь к малейшим движениям, происходившим наверху; но никогда не мог принудить себя подражать Володе, несмотря на то, что мне этого хотелось больше всего на свете. Иногда, притаившись за дверью, тяжелым чувством зависти и ревности слушал возню, которая поднималась в девичьей, и мне приходило в голову: каково бы было мое положение, ежели бы я пришел наверх и, так же, как Володя, захотел бы поцеловать Машу? что бы я сказал со своим широким носом и торчавшими вихрами, когда бы она спросила у меня, чего мне нужно? Иногда я слышал, как Маша говорила Володе: «вот наказание! что же вы в самом деле пристали ко мне, идите отсюда, шалун этакий... Отчего Николай Петрович никогда не ходит сюда и не дурачится... Она не знала, что Николай Петрович сидит в эту минуту под лестницей и все на свете готов отдать, чтобы только быть на месте шалуна Володи.

Я был стыдлив от природы, но стыдливость моя еще увеличивалась убеждением в моей уродливости».

Через несколько лет влечение достигло высшего напряжения, оно вполне определилось и требовало удовлетворения. Наступил трагический, переживаемый многими юношами момент, который несет с собой и муки и новые желания. Тело впервые побеждает и наносит первую глубокую рану. Вот здесь-то все существо стремится к пороку и все существо противится ему. Борется и уступает.

В «Юности» автор так говорит про себя: «Нет, – отвечал я, подвигаясь на диване... я и просто не хочу, а если ты советуешь, то я ни за что не поеду. Нет, – прибавил я потом, – я неправду говорю, что мне не хочется с ними ехать, но я рад, что не поеду».

О первом падении есть намеки в «Записках маркера». Этот рассказ, без сомнения, содержит скрытый автобиографический материал. Он написан с большим подъемом, в три-четыре дня, без поправок и переделок. «Пишу с таким увлечением, что мне тяжело даже: сердце замирает», – тогда же отметил Лев Николаевич в дневнике. А эти строки о трагедии невинного юноши – самые горячие, вырвавшиеся из души.

«Приехали часу в первом... И все Нехлюдова поздравляют, смеются... А он красный сидит, улыбается только... Приходят потом в билиардную, веселы все, а Нехлюдов на себя не похож: глаза посоловели, губами водит, икает и все уж слова не может сказать хорошенько... Подошел он к билиарду, облокотился, да и говорит:

– Вам... смешно, а мне грустно. Зачем... я это сделал; и тебе... князь, и себе в жизнь свою этого не прощу. – Да как залется, заплачет»⁴.

Картину эту дополняет трогательное признание, сделанное Львом Николаевичем другу его Марии Александровне Шмидт. «Когда он писал «Воскресенье», жена его, Софья Андреевна, резко напала на него за главу, в которой он описывал обольщение Катюши.

– Ты уже старик, – говорила она, – как тебе не стыдно писать такие гадости.

Лев Николаевич ничего ей не сказал, а когда она ушла, он, обращаясь к бывшей при этом М. А. Шмидт, едва сдерживая рыдания, подступившие ему к горлу, сказал:

– Вот она нападает на меня, а когда меня братья в первый раз привели в публичный дом, и я совершил этот акт, я потом стоял у кровати этой женщины и плакал!»⁵

Но не одну эту жестокую сторону жизни открывала Толстому его молодость. Та же новая сила породила совсем иные настроения. В них не было ничего постыдного, Толстой не только не старался избегать их, но весь отдавался новой мечте. Появилось стремление к личному счастью и противопоставило себя бурному потоку грубой мужской силы. Мечты о «поэтическом, сладостном счастье», которое казалось ему тогда «высшим счастьем жизни», заполнили воображение юноши: «В тот период времени, который я считаю пределом отрочества и началом юности, основой моих мечтаний были четыре чувства [и одно из них –] любовь к *ней*, к воображаемой женщине, о которой я мечтал всегда в одном и том смысле и которую всякую минуту ожидал где-нибудь встретить»⁶.

«После ужина и иногда ночной прогулки с кем-нибудь по саду... я уходил один спать на полу на галерею... Наконец... я оставался совершенно один и, зорко оглядываясь по сторонам, не видно ли где-нибудь подле клумбы или подле моей постели белой женщины, рысью бежал на галерею. И вот тогда я ложился на свою постель... смотрел в сад, слушал звуки ночи и мечтал о любви и счастья».

Тогда все получало для меня другой смысл... смысл слишком большой красоты и какого-то недоконченного счастья. И вот являлась *она* с длинной черною косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, с обнаженными руками, с сладострастными объятиями. Она любила меня, я жертвовал для одной минуты ее любви всю жизнь. Но луна все выше, выше,

⁴ «Записки маркера».

⁵ И. Н. Гусев. Биография, т. I, гл. VI. В этой части «Воскресения» очень много автобиографического. В первом наброске, сделанном 26 декабря 1889 г., Нехлюдов выведен под фамилией Валерьяна Юшкина, племянника тетушек Юшкиных. В первый раз фамилия эта была написана в рукописи «Юшков» и тут же исправлена на «Юшкин». Л. Н-ч был племянником П. И. Юшковой. Но здесь, вероятно, описано не первое падение автора, а позднейшая страница его жизни. Молодая девушка («Катюша Маслова») была, кажется, из Ясной Поляны или из другой ближайшей деревни, а его *роковой* шаг был сделан не там. Но возможно также, что Толстой имел намерение описать в романе свое первое падение, и оно отразилось на этих страницах. – И. И. Старинину он сообщил, что все произошло в Кизическом монастыре под Казанью. А в Казани Толстой жил у Юшковых (И. И. Старинин. Около мудреца // «Русские ведомости», 16 ноября 1911 г.)

⁶ «Юность», гл. III.

светлее и светлее стояла на небе, пышный блеск пруда, равномерно усиливающийся, как звук, становился яснее и яснее, тени становились чернее и чернее, свет прозрачнее и прозрачнее, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорила мне, что *она* с обнаженными руками и пылкими объятиями – еще далеко-далеко не все счастье, что и любовь к ней – далеко-далеко еще не все благо; и чем больше я смотрел на высокий полный месяц, тем истинная красота и благо казались мне выше и выше, чище и чище и ближе и ближе к нему, к источнику всего прекрасного и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мне на глаза»⁷.

Так кончился «чудный... невинный, радостный, поэтический период детства», когда «невинная веселость и беспредельная потребность любви были главными побуждениями в жизни». Раскрылись глаза на новую, доселе не известную сторону человеческих отношений, тело стало предъявлять свои требования, душа стремилась к неизведанному счастью новой любви. Детское неведение сменилось острой борьбой слепого инстинкта, сознания и чувства.

II

72-летним стариком Лев Николаевич записал в дневнике: «Вспомнил свое отрочество, главное – юность и молодость. Мне не было внушено никаких нравственных начал – никаких; а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали (в особенности распутничали), били людей и требовали от них труда. И многое другое я делал, не желая делать, только из подражания большим». – «Можно смотреть на половую потребность как на тяжелую повинность тела (так смотрел всю жизнь) и можно смотреть как на наслаждение (я редко впадал в этот грех)».

Мы видели страдания, следовавшие за первыми проявлениями «половой потребности». Но острая реакция не уменьшила силы влечения, оно оставалось непреодолимым, и «тяжелая повинность тела» захватила юного Толстого. Равнодушное одобрение окружающих, сочувствие и поощрение сверстников помогали работе инстинкта. Но Толстой подчинялся не без борьбы. Он чувствовал, что его юношеские порывы парализованы слепой силой, и чем больше падал, тем сильнее желал освободиться от этого тяжелого гнета.

Перед отъездом из Казани перед Львом Николаевичем, 19-летним юношей, уже встает вопрос об изменении направления всей его жизни. Он заболевает (быть может, беспорядочная жизнь была причиной этой болезни), поступает в клинику и здесь делает первую запись в дневнике: «Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собой. *Les petites causes produisent de grands effets...*⁸ Я стал на ту ступень, на которую я уже давно поставил ногу, но никак не мог перевалить туловище... Главная же польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть ничто иное, как следствие раннего разврата души».

В таком настроении Лев Николаевич оставляет университет и уезжает в Ясную Поляну, полный жизни и увлекательных планов бескорыстного служения народу. Отныне мелкие интересы личной жизни не должны более мешать проявлению высших требований совести. Влечение к женщине поглощало силы и внимание – теперь же, на новой Ступени, это главное препятствие к подлинной радости должно быть безоговорочно устранено.

Толстой записывает в дневнике: «Вчера я был в хорошем расположении духа и остался бы, верно, к вечеру доволен собой, ежели бы приезд Дунечки⁹ с мужем не сделал бы на меня рокового большого влияния, что я сам лишил себя счастья быть довольным собою».

⁷ «Юность», гл. XXXII.

⁸ Мелочи могут привести к серьезным последствиям... (*фр.*)

⁹ Дунечка – Темяшева; провела детство в семье Толстых. О ней Л. Н-ч пишет в «Воспоминаниях»: «Она была не умная, но хорошая, простая девочка, а главное, – до такой степени целомудренная, что между нами, мальчиками, и ею никогда не

На следующий день он вырабатывает новое «правило»: «Я начинаю привыкать к первому правилу, которое я себе назначил. И нынче назначаю себе другое, именно следующее: смотри на общество женщин, как на необходимую неприятность жизни общественной, и, сколько можно, удайся от них. – В самом деле: от кого получаем мы сластолюбие, изнеженность, легкомыслие во всем и множество других пороков, как не от женщин? Кто виноват тому, что мы лишаемся врожденных в нас чувств: смелости, твердости, рассудительности, справедливости и других – как не женщины? Женщина восприимчивее мужчины, поэтому в века добродетели женщины были лучше нас. В теперешний же развратный, порочный век – они хуже нас».

Вся жизнь молодого Толстого проходит в выработке строгих «правил» поведения, в стихийном уклонении от них и упорной борьбе с личными недостатками. Временами, под влиянием безудержных порывов молодости, суровые заповеди заменяются практическими нормами, но усиливающаяся страсть заставляет вновь подчеркнуть строгое требование.

Однажды правило: «удаляйся от женщин» уступило место другому, более снисходительному. – «Второй день ленюсь, не исполняю назначенного. Отчего? – Не понимаю. Однако, не отчаиваюсь, буду себя принуждать. Вчера, кроме неисполнения назначенного, еще изменил своему правилу. Теперь уже не изменяю тому, чтобы у себя в деревне не иметь ни одной женщины, исключая некоторых случаев, которых не буду искать, но не буду и упускать»... Через два дня – упрек: «Вчерашний [день] прошел довольно хорошо, исполнил почти все: недоволен одним только: не могу преодолеть сладострастия, тем более, что страсть эта слилась у меня с привычкою».

И в дневнике появляется новое правило: «Каждый день моцион. Сообразно закону религии, женщин не иметь».

Как ни сильны были чувственные переживания и борьба с ними Толстого, они не заполняли всецело личной жизни. Другие «затаенные, невыраженные порывы юности» волновали его, и он страдал от избытка какого-то смутного, неопределенного чувства, не находя выражения ему.

«То со всею прелестью неизвестного юное воображение его предоставляло ему сладострастный образ женщины, и ему казалось, что вот оно, невыраженное желание. Но какое-то другое, высшее чувство говорило: *не то*, и заставляло его искать чего-то другого... «Какая глупость все то, что я знал, чему верил и что любил», – говорил он сам себе. «Любовь, самоотвержение – вот одно истинное, независимое от случая счастье!»...

«Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это то, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга... «И кроме этого, – в то же время думал он, – кто мне мешает самому быть счастливым в любви к женщине, в счастии семейной жизни?» И юное воображение рисовало ему еще более обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю так, как никто никогда никого не любил на свете, мы всегда живем среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, с детьми, может быть, со старухой теткой; у нас есть наша взаимная любовь, любовь к детям, и мы оба знаем, что наше назначение – добро. Мы помогаем друг другу идти к этой цели. Я делаю общие распоряжения, даю общие, справедливые пособия, завожу ферму, сберегательные кассы, мастерские; а она, с своею хорошенькою головкой, в простом белом платье, поднимая его над стройною ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в лазарет, к несчастному мужику, по справедливости не заслуживающему помощи, и везде утешает, помогает... Дети, старики, бабы обожают ее и смотрят на нее, как на какого-то ангела, на провидение. Потом она возвращается и скрывает от меня, что ходила к несчастному мужику и дала ему денег, но я все знаю и крепко обнимаю ее и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы». Мечты Толстого о

семейной жизни не находили своего воплощения, и порою он начинает думать о женитьбе как о прозаическом, деловом шаге: «Приехал я в Москву с тремя целями: 1) играть, 2) жениться, 3) получить место... Второе, благодаря умным советам брата Ник[оленьки], оставил до тех пор, пока принудит к тому или любовь или рассудок, или даже судьба, которой нельзя во всем противодействовать!»

Но любовь, рассудок и судьба еще на долгие годы лишают Толстого счастья семейной жизни, а «тяжелая повинность тела» предъявляет свои требования, более реальные и непреодолимые. Борьба с ними продолжается беспрерывно. Дневник помогает в этой борьбе. Каждое падение, каждое влечение Толстой добросовестно отмечает в своих записях, «себе в наказание»: «Нахожу для дневника, кроме определения будущих действий, полезную цель – отчет каждого дня с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться». «Приходила за паспортом Марья... Поэтому отмечу *сладострастие*»... «После обеда и весь вечер шлялся и имел *сладострастные возжелания*». Через день новая запись: «Мучает меня сладострастие, не столько сладострастие, сколько сила привычки». На другой день: «Не мог удержаться, подал знак чему-то розовому, которое в отдалении казалось мне очень хорошим, и отворил сзади дверь. Она пришла. Я ее видеть не могу, противно, гадко, даже ненавижу, что от нее изменяю правилам. Вообще, чувствую очень похожее на ненависть, которую питаешь к тем людям, которым не можешь показать, что не любишь, и которые имеют право полагать в вас к себе хорошее расположение. – Чувство долга и отвращение говорили против, похоть и [страсть]¹⁰ говорили за. Последние одолели. Ужасное раскаяние; никогда я не чувствовал его так сильно. Это шаг вперед».

«Вчера я почти всю ночь не спал; пописавши дневник, я стал молиться богу. Сладость чувства, которую я испытал на молитве, передать невозможно... Я желал чего-то высочайшего и хорошего, но чего, я передать не могу, хотя и ясно сознавал, чего я желаю. – Мне хотелось слиться с существом всеобъемлющим, я просил его простить преступления мои, но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели оно дало мне эту блаженную минуту, то оно простило меня. Я просил, и вместе с тем чувствовал, что мне нечего просить, и что я не могу и не умею просить. Я благодарил его, но не словами, не мыслями. Я в одном чувстве соединил все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло... Нет, вот оно чувство, которое испытал я вчера, – это любовь к Богу – любовь высокую, соединяющую в себе все хорошее, отрицающее все дурное. – Как страшно было мне смотреть на всю мелочную, порочную сторону жизни. Я не мог постигнуть, как она могла завлекать меня. Как от чистого сердца просил я Бога принять меня в лоно свое. Я не чувствовал плоти... но нет, плотская, мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло часу, я почти сознательно слышал голос порока, тщеславия, пустой стороны жизни; знал откуда этот голос, знал, что он погубит мое блаженство, боролся – и поддался ему. Я заснул, мечтая о славе, о женщинах; но я не виноват, я не могу». Религиозный подъем влечет за собой стремление к нравственной чистоте; в то же время и другое чувство – возвышенная любовь к женщине – помогает Толстому освобождаться от чувственных порывов тела. «Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она», – вспоминает Лев Николаевич в рассказе «После бала». «В моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью»¹¹.

Жажда идеальной, бесплотной любви к женщине, такой любви, которая устранила бы все низшие стремления и дала бы душевную радость, духовный подъем и нравственное удовлетворение, неотступно преследует молодого Толстого. Движение сердца, легкое увлечение

¹⁰ В подлиннике описка: «совесть».

¹¹ В подтверждение автобиографичности этого рассказа приводим выдержку из дневника от 18 июня 1903 г.: «В еврейский сборник. Веселый бал в Казани, влюблен в красавицу, дочь воинского начальника-поляка; танцую с нею, ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет на мазурку. И на утро, после влюбленной бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонят татарина, и воинский начальник велит больней бить».

он возводит в своем воображении на степень серьезной, глубокой любви. Встреча с девушкой дает лишь толчок идеальным порывам. Переживания эти на время заполняют жизнь и устраняют низшие страсти. Любимая женщина теряет свой облик, и Толстого занимает не столько эта женщина и ее судьба, сколько собственные мечты и сердечные переживания.

Так было с Зинаидой Модестовной Молоствовой.

Лев Николаевич познакомился с нею еще студентом в Казани у начальницы Родионовского института Е. Д. Загоскиной (Молостова была воспитанницей этого института). По дороге на Кавказ он заезжает в Казань и снова видится с Молоствовой. «Ей было 21–22 года и она была почти невестой Н. В. Тиле. Несмотря на это, она почти все мазурки танцевала со Львом Николаевичем и, видимо, интересовалась им»¹². Встреча эта производит на Толстого большое впечатление, и мысль о любви не покидает его. Через два месяца он записывает в дневнике:

«Любовь и религия, вот два чувства чистые, высокие. Не знаю, что называют любовью. Ежели любовь то, что я про нее читал и слышал, то я ее никогда не испытывал. Я видал прежде Зинаиду институточкой, она мне нравилась, но я мало знал ее (фу, какая грубая вещь слово, как площадно, глупо выходят переданные чувства). Я жил в Казани неделю. Ежели бы у меня спросили, зачем я жил в Казани, что мне было так приятно? Отчего я был так счастлив? Я не сказал бы, что это потому, что я влюблен. Я не знал этого. Мне кажется, что это-то незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть ее. *Как морально легко мне было в это время! Я не чувствовал этой тяжести всех мелочных страстей, которая портит все наслаждения жизни.* Я ни слова не сказал ей о любви, но я так уверен, что она знает мои чувства, что ежели она меня любит, то я приписываю это только тому, что она меня поняла. Все порывы души чисты, возвышенны в своем начале. Действительность уничтожает невинность и прелесть всех порывов.

Мои отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу.

– Но, может быть, ты сомневаешься, что я тебя люблю, Зинаида? Прости меня, ежели это так, я виновен, одним словом мог бы и тебя уверить.

«Неужели никогда я не увижу ее? Неужели узнаю когда-нибудь, что она вышла замуж за какого-нибудь Бекетова? Или, что еще жалче, увижу ее в чепце, веселенькой и с тем же умным, открытым, веселым и влюбленным глазом? Я не оставлю своих планов, чтобы ехать жениться на ней, *я недоволюсь убежден, что она может составить мое счастье, но все-таки я влюблен.* Иначе, что же эти отрадные воспоминания, которые оживляют меня, что этот взгляд, в который я всегда смотрю, когда только я вижу, чувствую что-нибудь прекрасное. Не написать ли ей письмо? Не знаю ее отчества и от этого, может быть, лишусь счастья... Теперь Бог знает, что меня ждет... Предаюсь в волю его! Я сам не знаю, что нужно для моего счастья, и что такое счастье?

– Помнишь Архиерейский сад, Зинаида, боковую дорожку? На языке висело у меня признание, и у тебя тоже. Мое дело было начать; но, знаешь, отчего мне кажется, я ничего не сказал? Я был так счастлив, что мне нечего было желать, я боялся испортить свое... не свое, а наше счастье.

Лучшим воспоминанием в жизни останется навсегда это милое время. А какое пустое и тщеславное создание – человек. Когда у меня спрашивают про время, проведенное мною в Казани, я небрежным тоном отвечаю: «Да, для губернского города очень порядочное общество, и я довольно весело провел несколько дней там».

¹² Сведения заимствуем из письма дочери Молоствовой Ел. Ник. Тиле к Ел. Вл. Молоствовой от 4 ноября 1914 г. Зин. Модест, родилась 21 ноября 1828 г., скончалась 10 февраля 1897 г. в Казани. Она всю жизнь мечтала о встрече с Л. Н-чем, всей душой увлекалась его учением. О Молостровой более подробно в статье А. П. Мертваго («Утро России», 12 июня 1911 г.) и в комментариях к I тому «Дневника Молодости», с. 211–214.

«Подлец! Все осмеяли люди! Смеются над тем, что с милым рай и в шалаше, и говорят, что это неправда. Разумеется, правда; не только в шалаше – в Крапивне, в Старом Юрте – везде. С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда!»

И после этой восторженной записи в дневнике нет больше упоминаний о Молоствовой. Трудно предположить, что только случайность или застенчивость Толстого помешали этим «веселым, почти детским отношениям» принять более серьезный характер. Скорее можно допустить, что со стороны Льва Николаевича было только минутное увлечение, а неудовлетворенная жажда поэтической, «высокой» любви, мечта о чистой девушке, освобождающей от тяжести «всех мелочных страстей», воспитали это чувство и на время овладели вниманием.

Через год Толстой записывает в дневнике: «Зинаида выходит замуж за Тиле. Мне досадно, и еще более то, что это мало встревожило меня».

Жизнь на Кавказе, новые впечатления, литературные интересы и бурные устремления молодости скоро рассеяли впечатление от встречи с Молоствовой, но вытеснить мечты о любви и семейной жизни они не могли.

III

Кавказ оставил в Толстом самые дорогие воспоминания. Он считал это время «одним из лучших периодов своей жизни, несмотря на все отклонения от смутно сознаваемого им идеала»¹³.

«Хотя все это время я о себе очень мало думал, но мысль о том, что я стал гораздо лучше прежнего, как-то закралась в мою душу и даже сделалась убеждением», – отмечает Толстой в дневнике и о том же пишет в Ясную Поляну: «Мне кажется, что сумасбродная мысль поехать на Кавказ внушена мне свыше. Эта рука Божия ведет меня, и я непрестанно благодарю его. Я чувствую, что здесь я стал лучше (это еще немного, потому что я был очень дурен), и я твердо уверен, что все, что может со мной случиться здесь, будет мне на пользу, потому что сам Бог этого хочет»¹⁴. И он, «видящий сокровенную глубину моей души и направляющий ее, знает, что благодаря Ему я никогда не жил более безупречно и не чувствовал себя нравственно более удовлетворенным, чем за эти восемь месяцев»¹⁵.

Спустя семь лет в одном из писем к А. А. Толстой Лев Николаевич так описывает это время: «Я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда... Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением... Из двух лет умственной работы я нашел простую, старую вещь... я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно».

Мечты о семейной жизни вполне отвечают общему настроению и умственным запросам. Напряженная работа интеллекта не вытеснила их. Наоборот, Толстому кажется, что только личная любовь даст полноту радости и нравственного удовлетворения. Тяготение к созданию семьи не покидает его, и в одну из своих поездок по Кавказу, на станции Моздок, в письме к «тетушке» Т. А. Ергольской, Лев Николаевич рисует увлекательную картину близкого счастья.

«После некоторого количества лет, не молодой, не старый я в Ясной Поляне, дела мои в порядке, у меня нет ни беспокойства, ни неприятностей. Вы также живете в Ясной. Вы немного постарели, но еще свежи и здоровы. Мы ведем жизнь, которую вели раньше, – я работаю по утрам, но мы видимся почти целый день... Я женат, моя жена тихая, добрая, любящая; вас

¹³ П. И. Бирюков. Биография, т. I, гл. VII.

¹⁴ Письмо Т. А. Ергольской, 12 января 1852 г. (перев. с фр.).

¹⁵ Письмо Т. А. Ергольской, 26 июня 1852 г. (перев. с фр.).

она любит так же, как и я; у нас дети, которые вас зовут бабушкой; вы живете в большом доме наверху, в той же комнате, которую прежде занимала бабушка. Весь дом содержится в том же порядке, какой был при отце, и мы начинаем ту же жизнь, только переменившись ролями. Вы заменяете бабушку, но вы еще лучше ее, я заменяю отца, хотя и не надеюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя заменяет мать, дети – нас... Будет три новых лица, которые будут иногда появляться среди нас – это братья, особенно один, который часто будет с нами, Николенька, старый холостяк, лысый, в отставке, всегда такой же добрый, благородный.

Я воображаю, как он будет, как в старину, рассказывать детям своего сочинения сказки, как дети будут у него целовать сальные руки (но которые стоят того), как он будет с ними играть, как жена моя будет хлопотать, чтобы сделать ему любимое кушанье, как мы с ним будем перебирать общие воспоминания о давно прошедшем времени, как вы будете сидеть на своем обыкновенном месте и с удовольствием слушать нас; как вы нас, старых, будете называть по-прежнему «Левочка, Николенька» и будете бранить меня за то, что я руками ем, а его за то, что у него руки не чисты.

Если бы меня сделали русским императором, если бы мне дали Перу, одним словом, если бы волшебница пришла ко мне со своей палочкой и спросила меня, чего я желаю, я, положив руку на сердце, ответил бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать действительностью».

Однако в действительности, насколько ее можно проследить по дневнику, продолжается настойчиво все та же борьба человека с низшими страстями. Каждая уступка телу вызывает острую реакцию и ряд новых самоограничений. Временами волна сладострастия уничтожает сопротивление, и Толстой сознательно отдается стихийному влечению, находя себе оправдание в условиях ненормальной бивуачной жизни. Но вслед за тем раздаются новые призывы к перерождению.

«Сладострастие сильно начинает разыгрываться – надо быть осторожным», – замечает Толстой в дневнике. И через день там же записывает составленную им новую молитву:

«Отче, Богородица (помянуть родных живых и усопших – потом). Избави меня, Господи, от тщеславия, нерешительности, лени, сладострастия, болезней и беспокойства душевного; дай мне, Господи, жить без греха и страданий и умереть без отчаяния и страху – с верой, надеждой и любовью. Предаюсь воле твоей. Матерь Божия и Ангел-хранитель, помолите обо мне Господа».

«С некоторого времени меня сильно начинает мучить раскаяние в утрате лучших годов жизни. И это с тех пор, как я начал чувствовать, что я бы мог сделать что-нибудь хорошее... Меня мучит мелочность моей жизни, – я чувствую, что это потому, что я сам мелочен, а все-таки имею силу презирать и себя, и свою жизнь».

На другой день – предписание: *«Нужно стараться как можно меньше возбуждать сладострастие... Презираю все страсти и жизнь, а увлекаюсь страстишками и тешусь жизнью».*

И дальше, каждое отклонение от нормальной жизни и малейший успех в преодолении страсти он отмечает в своих записях.

«О, срам! Ходил стучаться под окна К. К счастью моему, она меня не пустила». «Ходил стучаться к К., но, к моему счастью, мне помешал прохожий». «Я чувствовал себя нынче лучше, но морально слаб и похоть сильная». – «Застал в кухне молодую хозяйку и сказал с ней несколько слов. – Она решительно со мной кокетничает; перевязывает цветы под окошком, караулит рой, поет песенки, и все эти любезности нарушают покой моего сердца. Благодарю Бога за стыдливость, которую он дал мне; она спасает меня от разврата».

Эти записи относятся к 1852 году. В следующем, 1853 году в настроении замечается некоторая перемена. Сладострастие с еще большей силой захватывает Толстого. Подчинение страсти производит обычное угнетенное состояние. Но чувственное влечение достигает иногда такого напряжения, что Толстой уступает ему и удовлетворение «половой потребности» вносит в список срочных дел, наравне с литературными заданиями и практическими работами.

«Мне необходимо иметь женщину. Сладострастие не дает мне минуты покоя». Следующая запись: «Хочу приняться и вступить опять в колею порядочной жизни – чтение, писание и порядок, и воздержание. Из-за девок, которых не имею, и креста, которого не получу, живу здесь и убиваю лучшие годы своей жизни. Глупо!»

После новых падений, через месяц, он снова записывает в дневнике: «Мне вдруг непонятно стало, как мог я все это время так дурно вести себя. Ежели я буду ожидать *обстоятельства*, в к[отором] я легко буду добродетелен и счастлив, я никогда не дождусь; в этом я убежден. Д[евки] сбили меня с толку. Постараюсь делать добро, сколько могу, быть деятельным и уж наверное не поступать легкомысленно и не делать зла. Благодарю Бога за такое настроение и прошу тебя, поддержи его. Я много делал дурного за это время: подговаривал девок, тратил деньги на пустяки и время, которое бы мог употребить с пользой, тщеславился, спорил, сердился».

«Воздерживайся от вина и женщин. Наслаждение так мало, неясно, а раскаяние так велико!» На другой день запись иного характера: «Это насильственное воздержание, мне кажется, не дает мне покоя и мешает занятиям, а греха мало, ибо он извиняется неестественным положением, в которое меня поставила судьба... После обеда ленился. Мог бы, ежели не писать, то обдумать. Девки мешают. Завтра утром обдумаю «Отрочество» и буду писать его до обеда. Ежели не будет мыслей, то буду писать правила. После обеда искать доброе дело и писать». Через 2 дня: «После ужина ходил ко всем девкам и везде неудачно. Завтра писать с утра до вечера и употребить все средства, чтобы иметь девку». – «Завтра пересилить свой стыд и решительно действовать насчет Ф. Писать «Отрочество» утро и вечер».

Подчиненность физиологическим требованиям организма не останавливает работу мысли Толстого. Он обуреваем чувственными вожделениями, но в более спокойные минуты ум занят разрешением сложнейших отвлеченных вопросов. 7 июля он отмечает: «Завтра писать и непременно решить дело с Ф.» А на другой день выступает недовольство «бесцельной, беспорядочной жизнью», и в дневнике появляется серьезная запись. «Не могу доказать себе существования Бога, не нахожу ни одного дельного доказательства и нахожу, что понятие не необходимо. Легче и проще понять вечное существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо, сотворившее его. Влечение плоти и душа человека к счастью есть единственный путь к понятию тайн жизни. Когда влечение души приходит в столкновение с влечением плоти, то первое должно брать верх, ибо душа бессмертна так же, как и счастье, которое она приобретает. Достижение счастья есть ход развития ее... Не понимаю необходимости существования Бога, а верю в него и прошу помочь мне понять его».

Причины особо повышенной чувственной устремленности Толстого этого периода заключаются преимущественно в ненормальных условиях военной жизни на Кавказе. Но были другие причины, и одна из главных – отсутствие объекта любви. Мы уже видели, как страстно мечтает Толстой о любви к женщине, о семейном уюте, какой восторг и нравственный подъем вызывает в нем воображаемое увлечение Молодцовою. В записной книжке 1853 года есть запись: «Когда человек бывает искренно влюблен», то испытывает «чуждое состояние души». Но стремления Толстого к целомудренной любви не находят своего применения в жизни и не освобождают его от «тяжести мелочных страстей».

В литературе установился взгляд на увлечение Оленина Марьяной, как на эпизод из личной жизни Толстого. Сам Лев Николаевич упоминает об этой любви в одном из писем к П. И. Бирюкову. И, тем не менее, трудно согласиться с этим.

В дневнике молодости Толстой отмечает все события своей жизни, но там нет ни одного намека, ни одного упоминания об этой любви. В дневнике встречается ряд женских имен, скрытых за инициалами, но записи эти имеют один и тот же определенный смысл, не оставляющий никаких сомнений. Первые очерки о Кавказе задуманы в 1852 году, и 19 октября этого года

Лев Николаевич записывает программу: «1) Нравы народа: а) история Сол[омонида?] в) рассказ Балты, с) поездка в Мамакай Юрт».

Если правильна наша расшифровка этой записи, если за сокращенным словом действительно скрывается женское имя, то у нас есть основание допустить, что именно Соломонида Толстой первоначально предполагал описать в «Казаках». В дневнике за два года есть ряд записей, касающихся Соломонида и его отношения к ней. Но эти отношения лишены всяких поэтических прикрас, и настроения Оленина далеко не совпадают с переживаниями автора.

«Пьяный Епишка вчера сказал, что с Соломонидой дело на лад идет. Хотелось бы мне ее взять». – «После обеда был у Епишки и говорил с Соломонидой. Грудь у нее подурнели, однако мне еще очень нравится. Впрочем, весна [?] сильно действует на меня. Каждая женская голая нога, мне кажется, принадлежит красавице». – «Ходил несколько раз к Епишке. Насчет Соломонида дело не подвигается вперед, а Мих. уже намер[евается], кажется, подкарауливать. Я решился во что бы то ни стадо иметь ее». «Непоследователен насчет Соломонида. Епишка, кажется, надует меня. Завтра... после обеда, что бы ни было, пойти искать д[оброе] д[ело] и о Соломониде».

По некоторым данным, «Марьяна» была родственницей «Ерошки» – Епишки¹⁶. В дневнике все записи о Соломониде связаны с Епишкой, – это еще раз подтверждает, что прообразом Марьяны, возможно, и была Соломонида.

В неизданной статье «Внук дяди Ерошки у Льва Толстого» есть интересные сведения об этой казачке. «Образ ее в повести «Казаки» в общем не представляет из себя определенного точного портрета, – говорится в этой статье, – Толстой намеренно сделал из нее положительный, собирательный тип гребенской девушки»¹⁷.

Настоящее имя Марьяны скрыто от нас. Выше были изложены предположения относительно Соломонида. Но, чтобы рассмотреть этот вопрос до конца, приводим другие выдержки, отчасти намекающие на историю любви Оленина.

«С. при мне сказал Ок., что я ее люблю. Я убежал и совсем потерялся».

– Два раза имел Кае. Дурно. Я очень опустился». – «Ходил к К., хорошо, что она не пустила».

«С[оломонида?] уехала совсем, а Ф[едосья], в которую я, к[ак] б[удто] влюблен, не соглашается под предлогом, что я уезжаю... Завтра пересилить свой стыд и решительно действовать насчет Ф.» – «Зовут в Пятигорск. Кажется, поеду, однако, это решит Ф[едосья], к[оторая] уехала в Кизляр». – «Ничего не говорил с Федос[ьей], несмотря на представлявшиеся случаи. У нее рожа разбита». – «Решить во что бы то ни стало дело с Ф[едосьей]».

Хотя в этих записях и имеются выражения, заслуживающие нашего внимания, но весь тон отношения Толстого к этим лицам настолько определен, что предположения биографов и даже свидетельства самого Льва Николаевича о полном отражении в «Казаках» личных пере-

¹⁶ «Внук дяди Ерошки у Льва Толстого», запись А. П. Кулебякина со слов Д. М. Сехина, внука «дяди Ерошки».

¹⁷ Приводим из цитированной статьи характерные воспоминания «Марьяны» о ее знакомстве с Л. Н-чем: «Я ему все-таки много тогда кое-чего промеж разговоров других сказала. Там сама словечко брошу, там жду, что он скажет. Не дожусь, в огород убегу или дома по хозяйству мотаюсь, как бешеная: сердце отгуливаю. Иной раз обидным какое слово его покажется, али просто не понравится, – всплакну тайком, а ему и виду не покажу. А то и сама, бывало, ожгу его по-нашему – по гребенскому, больней прутины таловой, чтоб не выламывался: бары-то эти, фазаны (наезжие на Кавказ дворяне. – Примеч. Кулебякина) все один на одного похожи были, а он из них же, только лучше других. А вижу – напрасно взелась, и жалко станет, а то еще хуже: досадно и на самое себя и на всех. Отвернусь, али кошка подвернется – кочергой хвачу, да к соседке побегу семечки лузгать на завалинке. А он потом один, аль с товарищем, идет – посматривает боком, да к нам, к нам, ровно ничего и не было. А мы наших ребят позовем, да другие девки еще понаберутся, и пошли шутки, смех, пословицы. Офицеры-то видят – компания не ихняя – и уйдут, а мы про них же им вслед зубоскалим. Сердцу-то я своему воли не давала – не наш он был все-таки, боялась. А потом у меня свое пошло, а его и вовсе из думки выронила. А что ты меня про Лев Николаича спрашивал – любила ли я его, али он меня или других кого, – не знаю, право. Что было, то сказала тебе. Почитай, и ничего такого, чтобы любовью настоящей назвать, и не было. А кого он еще у нас полюбил – не спрашивала ни его, ни других. Кабы люди знали что-нибудь, сказали бы. Може и полюбил, да не долюбил видно: уехал и след простыл, може оно и к лучшему вышло» (Архив К. С. Шохор-Троцкого).

живаний автора невольно вызывают большие сомнения. Повесть эта закончена в 1862 году, через много лет после ее первоначального замысла. Кавказская жизнь, собственные настроения той эпохи оставили в Толстом лучшие воспоминания. Время сгладило шероховатости и впечатлениям придало грустный, поэтический тон. В то время, когда Лев Николаевич писал «Казаков», все существо его искало личного счастья, и, быть может, под влиянием этих настроений одна из случайных связей холостого юнкера была претворена художником в глубокую всепоглощающую страсть¹⁸.

Последние месяцы пребывания Толстого на Кавказе и на Дунае, т. е. около полутора лет, исключаются из поля нашего наблюдения; в дневнике отсутствуют записи интимного характера. Отсутствие записей не может указывать на отсутствие событий и переживаний. Но с несомненностью говорит это о том, что определенные интересы и влечения играют теперь меньшую роль.

Толстой занят разрешением отвлеченных вопросов, увлекается историей, ежедневно в дневнике резюмирует прочитанное, по-прежнему настойчиво вырабатывает «правила» жизни, с обычным для него упорством отмечая все отклонения от них. Здесь мы видим переходы от удовлетворения и радости к самоосуждению и отчаянию.

«Я был бы счастлив все это время!» — пишет Лев Николаевич по поводу своего приезда в Ясную Поляну перед отправкой в Дунайскую армию. А через несколько месяцев он отмечает: «Ровно... три месяца праздности и жизни, которой я не могу быть доволен... В последний раз говорю себе: ежели пройдет три дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя. Помоги мне, Господи!» Еще через месяц: «Я очень весел, и дай Бог, как мне кажется, чтобы веселье это происходило от самого меня; от желаний всем быть приятным, скромности, необидчивости и внимательности за вспышками. Тогда бы я всегда был весел и почти всегда счастлив». И после этого, в течение нескольких месяцев, почти в ежедневных записях он ставит себе задачей «исправление от трех пороков: раздражительности, бесхарактерности и лени».

Но такая жизнь, полная умственных интересов и порывов к самосовершенствованию, не вытеснила окончательно чувственных влечений. Они остались, но временно изменилось отношение к ним. В этом периоде сладострастие играет незначительную роль, оно не мешает жизни, и сопротивление ему не входит в перечень «правил». — «Упрекаю себя за лень и в последний раз. Ежели завтра я ничего не сделаю, я застрелюсь. Еще упрекаю за непростительную нерешительность с девками».

И эта «непростительная» нерешительность с точки зрения морали не оценивается, и нет стремления к преодолению примитивного влечения к женщине. Толстой не осуждает его; наоборот, его огорчают недостатки, которые мешают проявлению инстинкта: «Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. Я раздражителен, скучен для других; нескромен, нетерпим (intolerant) и стыдлив, как ребенок». — «Хозяйская прехорошенькая замужняя дочь, которая без памяти, глупо кокетничала со мной, подействовала на меня — как я ни принуждал себя — как и в старину, т. е. я страдал ужасно от стыдливости».

В то же время и другая сторона личной жизни — жажда семейного счастья — не оставляет Толстого. В дневнике нет записей о любви, другие интересы занимают внимание, но в письме к брату Сергею он жалуется: «Одно беспокоит меня: я четвертый год живу без женского общества, я могу совсем загубить и не быть способным к семейной жизни, которую я

¹⁸ Мы не предполагаем полностью отрицать автобиографичность повести. Без сомнения, Оленин во многом походит на автора. В дневнике имеются подтверждения тому; например, запись 20 мая 1851 года, — по приезде на Кавказ: «Последнее время, проведенное мною в Москве, интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней» — вполне совпадает с настроением Оленина. А вот параллель между дневником и повестью. Дневник 13 ноября 1852 г.: «Прекрасно сказал Епишка, что я какой-то нелюбимый. Именно так я чувствую, что не могу никому быть приятен, и все тяжело для меня». «Казаки», гл. XXVIII: «Нелюбимы мы с тобой, сироты, — вдруг сказал дядя Ерошка и опять заплакал».

так люблю». В этом же году Лев Николаевич пишет «Роман русского помещика»¹⁹ и в жизни филантропа-помещика любви к жене уделяет первое место.

Пребывание в осажденном Севастополе вызывает новую волну чувственности с такими же проявлениями, с такими же переживаниями, как и прежде. Состояние это не покидает Толстого до конца военной службы, и с этим «настроением он уезжает в Петербург в ноябре 1855 года.

IV

В Петербурге Лев Николаевич встречается с Александрой Алексеевной Дьяковой, сестрой своего друга. Еще в юности он был увлечен ею, но до нас не дошло никаких свидетельств об этой любви. Уже три года, как Александра Алексеевна замужем за А. В. Оболенским, но при встрече чувство вновь захватывает Толстого. В дневнике есть об этом несколько упоминаний.

«Обедал у Дьяковой. Не узнал А. О.²⁰, так она переменялась. Я не ожидал ее видеть, поэтому чувство, которое она возбудила во мне, было ужасно сильно. От них ездил к Аксакову²¹, слушал 4-й отрывок²². Хорош, но старика захвалили. Вернулся к Д[ьяковым], там танцевали немного, и выехал оттуда с А. Сухотиным²³, страстно влюбленным человеком. Да и теперь мне ужасно больно вспоминать о том счастье, которое могло быть мое и которое досталось отличному человеку Андрею Оболенскому. Сухотину рассказал свое чувство, он понял его, тем более, что его, кажется, разделяет»²⁴.

– «У А. больна дочь. Она сказала А. Сухотину²⁵ при мне, что когда она была невестой, не было влюбленных. Мужа ее тут не было. Неужели она хотела сказать мне, что она не была влюблена в него. Потом, прощаясь со мной, она дала мне *вдруг руку*, и у нее были слезы на глазах от того, что она только что плакала об болезни пиндигашки; но мне было ужасно хорошо. Потом она нечаянно проводила меня до дверей. Положительно, со времен Сонечки²⁶ у меня не было такого чистого, сильного и хорошего чувства. Я говорю, «хорошего», потому что, несмотря на то, что оно безнадежно, мне отрадно расшевеливать его. Писать ужасно хочется «*Юность*», кажется, от того, что с этим чувством она пережита». «Звали к Дьяковым, и я был у них и три часа проговорил с А., то один на один, то с мужем. Я убежден, что она знает мое чувство, и что оно ей приятно. Я был счастлив ужасно». «Оболенский заезжал, и я бы мог пробыть еще вечер с А. Кто знает, не было ли бы это к худшему».

Но Толстого не могла удовлетворить сложная любовь к замужней женщине, и он прошел мимо нее²⁷. Лев Николаевич ждет счастья семейной жизни и вполне созвучных отношений. «Любовь к женщине он [Левин-Толстой] не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его поня-

¹⁹ «Утро помещика».

²⁰ А. А. Оболенская, урожд. Дьякова. Род. в 1831 (1830?) г., ум. 8 декабря 1890 г. в Петербурге. С 7 января 1853 г. замужем за кн. Андр. Вас. Оболенским (1825–1875).

²¹ Сергей Тимофеевич Аксаков.

²² «Семейная хроника».

²³ Александр Михайлович Сухотин (1827–1905), участник Крымской кампании.

²⁴ Дневник, 22 мая 1856 г.

²⁵ Сергей Михайлович Сухотин (1818–1886). Был женат на сестре А. А. Оболенской, Марии Алексеевне Дьяковой (ум. 1889).

²⁶ Софья Павловна Колошина (1828–1911(7)), дочь декабриста П. И. Колошина. Детская любовь Л. Н. Толстого. Описана в «Детстве» под именем Сонечки Валахиной.

²⁷ Однако он не забыл Оболенскую. И позднее новые встречи опять волновали его. 6 ноября 1857 года Толстой отметил в дневнике: «А. прелесть. Положительно женщина более всех других прельщающая меня. Говорил с ней о женитьбе. Зачем я не сказал ей все». Через день (8 ноября): «Отличная». 1 декабря: «А. держит меня на ниточке, и я благодарен ей за то. Однако по вечерам я страстно влюблен в нее, и возвращаюсь домой полон чем-то, счастьем или грустью, – не знаю». В дни увлечения С. А. Берс он записал: «Влюблен как в С[онику] К[олошину] и в А.» (Дневн., 30 авг. 1862 г.).

тия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для [него] это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье»²⁸.

Окончание военной службы с возвращением к нормальной жизни в мирной обстановке дает, наконец, возможность осуществить лелеянную с юности мечту. Толстой записывает: «Четыре чувства с необыкновенной силой овладели мной: любовь, тоска, раскаяние (однако, приятное), желание жениться». С некоторого времени я серьезно думаю о браке, и на всех барышень, которых вижу, смотрю невольно с точки зрения брака». «Решаюсь ехать в деревню, поскорей жениться».

28 мая 1856 года Лев Николаевич выезжает в Ясную Поляну. В деревне он возобновляет знакомство с семьей Арсеньевых. Встреча с Валерией Владимировной Арсеньевой ставит перед Толстым практически вопрос о женитьбе. Он часто посещает имение Судаково, Арсеньевы приезжают в Ясную Поляну. Мысль о Валерии, как о будущей жене, серьезно занимает Льва Николаевича. «Мечты о семейной жизни, о любви к жене не оставляли меня всю мою молодость, с 15 лет», – писал Толстой в первоначальной редакции «Исповеди». Но только на 28-м году мечты эти обещают стать действительностью.

Роман с Арсеньевой – одна из самых любопытных страниц жизни Толстого²⁹. В завязке его нет никаких элементов стихийности. Лев Николаевич ставит перед собой неотложную задачу – женитьбу – и объектом выбирает Арсеньеву. «Шлялись с Дьяковым³⁰. Много советовал мне дельного об устройстве флигеля, а, главное, советовал жениться на В[алерии]. Слушая его, мне кажется, тоже, что это лучшее, что я могу сделать».

После такого решения Толстой в течение трех с половиной месяцев изучает девушку, а свои впечатления и сомнения заносит в дневник. Приводим здесь в последовательности и без комментария выдержки из дневника за это время.

«16 июня. – В[алерия] мила.

18 июня. – В. болтала про наряды и коронацию. Фривольность есть у нее, кажется, не преходящая, но постоянная страсть.

21 июня. – Я с ней мало говорил, тем более, она на меня подействовала.

26 июня. – В. в белом платье. Очень мила. Провел один из самых приятных дней в жизни. Люблю ли я ее серьезно? И может ли она любить долго? Вот два вопроса, которые я желал бы и не умею решить себе.

28 июня. – В. ужасно дурно воспитана, невежественна, ежели не глупа.

30 июня. – В. славная девочка, но решительно мне не нравится. А ежели этак часто видется, как раз женишься.

1 июля. – Провел весь день с В. Она была в белом платье с открытыми руками, которые у ней нехороши. Это меня расстроило. Я стал щипать ее морально и до того жестоко, что она улыбалась недокончено. В улыбке слезы. Потом она играла. Мне было хорошо, но она уже была расстроена. Все это я узнаю.

2 июля. – Опять в гадком, франтовском капоте... Я сделал ей серьезно больно вчера, но она откровенно высказалась, и после маленькой грусти, которую я испытал, все прошло... Очень мила.

10 июля. – В. очень мила, и наши отношения легки и приятны.

²⁸ «Анна Каренина», I, гл. XXVII.

²⁹ Валерия Владимировна Арсеньева родилась 23 февраля 1836 г. в им. Судаково, недалеко от Ясной Поляны, 8 января 1858 г. вышла замуж за А. А. Талызина (1820–1894), которого с четырьмя детьми после нескольких лет супружества оставила, выйдя вторично за Н. Н. Волкова. Скончалась 24 января ст. ст. 1909 г. в Базеле, где и погребена.

³⁰ Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823–1891), друг молодости Л. Н-ча.

12 июля. – В. была лучше, чем когда-нибудь, но фриivolность и отсутствие внимания ко всему серьезному – ужасающие. Я боюсь, это такой характер, который даже детей не может любить. Провел день, однако, очень, очень приятно.

25 июля. – В первый раз застал ее *без платьев*, как говорит Сережа. Она в десять раз лучше, главное, естественна... Кажется, она деятельно-любящая натура. Провел вечер *счастливо*.

28 июля. – Странно, что В. начинает мне нравиться как женщина, тогда как прежде, как женщина именно, она была мне отвратительна.

30 июля. – В. совсем в неглиже. Не понравилась очень.

31 июля. – В., кажется, просто глупа.

1 августа. – В. была в конфузном состоянии духа и жестоко аффектирована и глупа.

10 августа. – Мы с В. говорили о женитьбе, она не глупа и необыкновенно добра.

12 августа. – Она была необыкновенно проста и мила. Желал бы я знать, вл[юблен] ли или н[ет].

16 августа. – Все эти дни больше и больше подумываю о Валериньке.

4 сентября. – О В. думаю очень приятно.

24 сентября. – В. мне противна.

26 сентября. – Мила, но ограничена и фютильна невозможно.

28 сентября. – Нравилась мне вечером.

29 сентября. – В. неспособна ни к практической, ни к умственной жизни... В первый раз я испытал к ней что-то вроде чувства.

1 октября. – Ничего не делал, но, слава Богу, меньше думал о В. Я не влюблен, но эта связь будет навсегда играть большую роль в моей жизни. А что, ежели я не знал еще любви, тогда, судя по тому маленькому началу, которое я чувствую теперь, я испытаю с ужасной силой. Не дай Бог, чтоб это было к В. Она страшно пуста, без правил и холодна как лед.

8 октября. – Не могу не колоть В. Это уж привычка, но не чувство. Она только для меня неприятное воспоминание.

19 октября. – Я решительно не имею к ней никакого [чувства].

24 октября. – В. была прелестна, я почти влюблен в нее.

25 октября. – Говорил с ней. Очень хорошо. Чувствовал даже слезливое расположение духа.

27 октября. – Не слишком мне нравилась, но она милая, милая девушка, честна и откровенна.

28 октября. – Она была *для меня* в какой-то ужасной прическе и порфире. Мне было больно, стыдно, и день провел грустно, беседа не шла. Однако я совершенно невольно сделался что-то вроде жениха. Это меня злит.

31 октября. – Она не хороша. Невольность моя злит меня больше и больше. Поехал на бал, и опять была очень мила... Они меня проводили, я был почти вл[юблен]».

Чтобы разобраться в своем отношении к Арсеньевой, посмотреть со стороны на создавшееся положение и спокойно обдумать его, Толстой покидает Валерию и уезжает в Петербург. Отсюда он пишет ей пространные письма, рисует их будущую жизнь, излагает свой взгляд на значение брака, дает советы о поведении, словом, подготавливает ее к новой, совместной жизни. Но за это время для него становится очевидной полная невозможность этого брака. Переписка их после объяснений прерывается, и Лев Николаевич, не возвращаясь в Ясную Поляну, уезжает за границу.

Можно выставить много причин неудачи первой попытки женитьбы Толстого. Несомненно, он и Арсеньева были люди с совершенно различным отношением к жизни. Валерия Владимировна – провинциальная девушка, увлекавшаяся блеском света, флигель-адъютан-

тами и коронацией, тогда как перед Толстым стояли неразрешенные вопросы совести, его преследовала ответственность перед жизнью. И возможно, что отсутствие согласия в главном – в стремлении к добру – послужило основанием разрыва. Но эти основания, вернее, заключаются не в различии взглядов и интересов, а в полном отсутствии живой любви со стороны Толстого.

Встреча произошла в то время, когда внешняя жизнь изменилась и на очередь встал практически вопрос о браке. В своем воображении Лев Николаевич давно уже составил идеальный образ будущей жены³¹, и, решаясь жениться на Арсеньевой, он начинает воспитывать ее, пытается создать воплощение идеала. В письмах он дает ей самые подробные советы, определяет каждый ее шаг.

«Занятия ваши радуют меня, но мало, ей-богу, мало, вечера пропадают, принуждайте себя... Точки означают разные нежные имена, которые я даю вам мысленно, умоляя вас больше работать». – «Вечера, пожалуйста, не теряйте. Возьмите на себя. Не столько для того, что вам полезны будут вечерние занятия, сколько для того, чтобы приучить себя преодолевать дурные наклонности и лень... Ваш главный недостаток – это слабость характера, и от него происходят все другие мелкие недостатки. Выработывайте силу воли. Возьмите на себя и воюйте упорно с своими дурными привычками... Ради Бога, гуляйте и не сидите вечером долго, берегите свое здоровье».

Всякая непосредственность близких отношений Толстым строго изгоняется, и порывы любящего сердца он стремится заменить благонамеренными отношениями.

«Ваш фаворит, глупый человек, во все время дороги совершенно вышел из повиновения, рассуждал такой вздор и делал такие нелепые, хотя и милые планы, что я начинал бояться его. Он дошел до того, что хотел ехать назад с тем, чтобы вернуться в Судаково, наговорить вам глупостей и никогда больше не расставаться с вами. К счастью, я давно привык презирать его рассуждения и не обращать на него никакого внимания... Глупый человек говорил, что глупо рисковать будущим, искушать себя и терять хоть минуту счастья. «Ведь ты счастлив, когда ты с ней, смотришь на нее, слушаешь, говоришь? – говорил глупый человек. – Так зачем же ты лишаешь себя этого счастья, может, тебе только день, только час впереди; может быть, ты так устроен, что ты не можешь любить долго, а все-таки это самая сильная любовь, которую ты в состоянии испытывать, ежели бы ты только свободно предался ей. Потом, не гадко ли с твоей стороны отвечать таким холодным, рассудительным чувством на ее чистую, преданную любовь». – Все это говорил глупый человек, но хороший человек, хотя и растерялся немного сначала, на все это отвечал вот как: «Во-первых, ты врешь, что я с ней счастлив; правда, я испытываю наслаждение слушать ее, смотреть ей в глаза, но это не счастье и даже не хорошее наслаждение... Потом, часто даже мне тяжело бывает с ней, а главное, что я нисколько не теряю счастья, как ты говоришь, я теперь счастлив ею, хотя не вижу ее. Насчет того, что ты называешь моим холодным чувством, я скажу тебе, что оно в 1000 раз сильнее и лучше твоего, хотя я и удерживаю его. Ты любишь ее для своего счастья, а я люблю ее для ее счастья»... Я уже люблю в вас вашу красоту, но я начинаю только любить в вас то, что вечно и всегда драгоценно – ваше сердце, вашу душу. Красоту можно узнать и полюбить в час и разлюбить так же скоро, но душу надо узнать. Поверьте, ничто в мире не дается без труда – даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство».

В другом месте Лев Николаевич пишет: «Вы говорите, что за письмо от меня готовы жертвовать *всем*. Избави Бог, чтобы вы так думали, да и говорить не надо. В числе этого *всего* есть *добродетель*, которой нельзя жертвовать не только для такой дряни, как я, – но ни для чего на свете. Подумайте об этом. Без уважения, выше всего, к добру нельзя прожить хорошо на

³¹ «Левин едва помнил свою мать. Понятие о ней было для него священным воспоминанием, и будущая жена его должна была быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была его мать» («Анна Каренина», I, гл. XXVII).

свете... работайте над собой, крепитесь, мужайтесь, учитесь и любите меня все так же, только немножко поспокойнее». «Помогай вам Бог, мой голубчик, идите вперед, любите, любите не одного меня, а весь мир Божий, людей, природу, музыку, поэзию и все, что в нем есть прелестного, и развивайтесь умом, чтобы уметь понимать вещи, которые достойны любви на свете. Любовь – главное назначение и счастье на свете». Она не в том, чтобы у пупунчика целовать руки (даже мерзко выговорить), а в том, чтоб друг другу открывать душу, поверять свои мысли по мыслям другого, вместе думать, вместе чувствовать». – Вы гневаетесь, что я *только умею читать нотации*... Это все мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не с слезами на глазах (верьте этому), а для вас это *нотации* и *скука*... Смотря по развитию, человек и выражает любовь. Оленькин жених выражал ей любовь, говоря о том, как они будут целоваться, вы выражаете любовь, говоря о высокой любви; но меня хоть убейте, я не могу говорить об этих вздорах».

Та же особенность увлечения Толстого – его «программность» – помогает ему заранее определить их будущие отношения. «Я не в состоянии дать вам того же чувства, которое ваша хорошая натура готова дать мне». «Нам надо помириться вот с чем: мне – с тем, что большая часть моих умственных, главных в моей жизни интересов останутся чужды для вас, несмотря на всю вашу любовь, вам – надо помириться с мыслью, что той полноты чувства, которое вы будете давать мне, вы никогда не найдете во мне... Одно, что может прочно соединить нас, это истинная любовь к добру, до которой я дошел умом, а вы дойдете сердцем».

Однако правдивая натура Толстого не позволила ему долго обманывать себя. Вскоре он понял, что не было любви, что он «увлекся нехорошим желанием внушить любовь».

«Я бы желал и очень желал мочь сказать, что я влюблен или просто люблю ее, но этого нет». «Я мог делать опыты с собой, не увлекая вас, – писал Лев Николаевич Арсеньевой из Парижа, – но в этом я отдал дань своей неопытности и каюсь в этом, прошу у вас прощенья, и это мучает меня; но не только бесчестного, но даже в скрытности меня упрекать не следует».

Толстому было не легко расстаться со своей мечтой. Все силы, все упования он возлагал на любовь к женщине – своей помощнице³², на полную, счастливую семейную жизнь. «Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю все, свой талант, свое сердце, сопьюсь, картежником сделаюсь, красть буду, ежели не достанет духу зарезаться», – писал Лев Николаевич в одном из писем к Арсеньевой. Но любви нет, «поправить дело невозможно, и теперь ничто не может возобновить этого»³³.

Оборвавшиеся отношения с Арсеньевой возвращают Льва Николаевича в круг прежних соблазнов. Но они не оставляли его и в то время, когда он мечтал о счастливой семейной жизни с понравившейся ему девушкой.

Из Севастополя Толстой вернулся полный чувственных вожелений. «Это уже не темперамент, а привычка разврата», – записал он по приезде. – «Похоть ужасная, доходящая до

³² «Я воображаю ее в виде маленького провиденья для крестьян, как она в каком-нибудь попелиновом платье с своей черной головкой будет ходить к ним (крестьянам) в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело, и просыпаться ночью с довольством собой и желанием, чтобы поскорее рассвело, чтобы опять жить и делать добро» (из письма к Арсеньевой, 19 нояб. 1856 г.). Сравни. «Утро помещика», гл. XVIII.

³³ Письмо Ергольской, 17 апреля 1857 г. В первый год замужества С. А. Толстая записала в дневнике: «Перечитывала его письма к В. А. Еще молодо было, любил не ее, а любовь и жизнь семейную. А как хорошо узнаю я его везде, его правила, его чудное стремление ко всему, что хорошо, что добро. Ужасно он милый человек. И, прочтя его письма, я как-то не ревновала, точно это был не он и никак не В., а женщина, которую он должен был любить, скорее я, чем В. Перенеслась я в их мир. Она хорошенькая, пустая в сущности, и милая только молодостью, конечно, в нравственном смысле, а он все тот же, как и теперь, без любви к В., а с любовью к любви и добру. Ясно стало мне и Судаково... и фортепиано, сонаты, хорошенькая, черненькая головка, доверчивая и не злая. Потом молодость, природа, деревенское уединение. Все понятно и не грустно, потом читала я его планы на семейную жизнь. Бедный, он еще слишком молод был и не понимал, что если прежде сочинишь счастье, то послехватишься, что не так его понимал и ожидал. А милые, отличные мечты»... (10 апреля 1863 г.) Роман с Арсеньевой нашел отражение в повести Толстого «Семейное счастье». Об этом см. в биографиях (Бирюков, т. I, гл. XVI; Гусев, т. I, гл. XIII), а также в статье П. С. Попова «Роман Л. Н. Толстого с В. В. Арсеньевой и повесть «Семейное счастье»» («Огонек», 1928, № 7).

физической болезни». – «Шлялся по саду со смутной, сладострастной надеждой поймать кого-то в кусту. Ничто мне так не мешает работать. Поэтому решился, где бы то и как бы то ни было, завести на эти два месяца любовницу». – «Очень хорошенькая крестьянка, весьма приятной красоты. Я невыносимо гадок этим бессильным поползновением к пороку. Лучше бы был самый порок».

А в тот самый день, когда он разговаривал с Дьяковым об устройстве флигеля и о возможности женитьбы на Арсеньевой, вечер провел он в Судакове, «был в духе», а потом «приехал домой и послал к С[олдатке?]. С. не пришла».

И затем в течение месяцев, когда Толстой почти ежедневно виделся с Арсеньевой, увлекался ею и строил планы новой жизни, чистой и радостной, иногда в дневнике он записывал: «Пробыл целый день один дома, и вечером б[ыла] С. Отвратительно». – «Вечером была С. Наверно, последний раз». – «Ездил со сладострастными] целями верхом, – безуспешно». – «Наткнулся на хорошенькую бабу и сконфузился».

Это обстоятельство еще раз убеждает, что в романе с Арсеньевой не было всепоглощающей силы влечения, которая уничтожает примитивное сладострастие и требование инстинкта представляет в виде поэтического влечения к избранному объекту.

Толстой не любил, но искал любви и не нашел ее.

V

После неудачной попытки жениться, Толстой отдается светским увлечением. – «Тютчева³⁴, Свербеева, Щербатова³⁵, Чичерина³⁶, Олсуфьева, Ребиндер – я во всех был влюблен», – записывает Лев Николаевич через год после разрыва с Арсеньевен³⁷. К этому списку следует прибавить баронессу Е. И. Менгден³⁸ и сестер Львовых!

«Менгден замечательная женщина», – отмечает Толстой в дневнике 25 января 1857 года. Спустя несколько дней: «С Менгден неловко наедине». 3 февраля: «Она прелесть, и какие могут быть отрадные отношения. Отчего с сестрой я не нахожу такого наслаждения? Может, вся прелесть состоит в том, чтобы стоять на пороге любви».

С кн. Екатериной Владимировной Львовой³⁹ Толстой знакомится в Дрездене. «Она мне очень нравится, – записывает он в дневнике, – и, кажется, я дурак, что не попробую жениться на ней. Ежели бы она вышла замуж за очень хорошего человека, и они были бы счастливы, я могу придти в отчаяние». Через несколько месяцев он делится своими переживаниями с А. А. Толстой: «Я был в наиудобнейшем настроении духа для того, чтобы влюбиться... К[атерина] Львова красивая, умная, честная и милая натура; я изо всех сил желал влюбиться, виделся с нею много и никакого!.. Что это, ради Бога? Что я за урод такой? Видно, у меня недостает чего-то?»⁴⁰

³⁴ Тютчева Екатерина Федоровна (1835–1882), дочь Федора Ивановича Тютчева (1803–1873).

³⁵ Кн. Щербатова Прасковья Сергеевна (1840–1924). С 1859 г. замужем за гр. Уваровым Алексеем Сергеевичем (1825–1884).

³⁶ Чичерина Александра Николаевна (1839–1918). С 1871 г. замужем за Нарышкиным Эм. Дм.

³⁷ Дневник, 25 января 1858 г.

³⁸ Бар. Менгден Елизавета Ивановна, урожд. Бибилова (ум. 1902 г.). Первый муж кн. Оболенский Дм. Ник. (1820–1844). Затем замужем за бар. Менгден Вл. Мих. (1826–1910).

³⁹ Кн. Львова Екатерина Владимировна (1834–1912). С 1858(?) г. замужем за кн. Гагариным Ал. Грив.

⁴⁰ Письмо А. А. Толстой, 18 августа 1857 г. Второе многокочие подлинника. На следующий день Л. Н-ч отмечает в дневнике: «Вчера написал нежное письмо Толстой». Александра Андреевна в ответ на него сообщает: «По странной случайности, я все это время думала о семействе Львовых, с которым папа и сестра Соня познакомились в Москве и были им очарованы. Я сказала себе, что вы должны взять себе жену оттуда. Вот где роскошь не имела расслабляющего влияния на воспитание... До тех пор, пока вы хоть немножко находитесь под влиянием вашей старой тетки, я никогда не позволю вам, дорогой Лев, остаться старым холостяком и прошу вас не строить относительно этого никаких планов» (29 авг. 1857 г., перевод с фр.).

Следующие отрывистые записи, вероятно, уже относятся к младшей сестре, Александре Владимировне⁴¹. 1 марта 1858 г.: «Глупости наговорил Львовой, зачем она ездит». 9 апреля 1859 г.: «В Москве опять два раза видел Львову. Поднялось, но не с такой силой». 9 октября того же года: «Был у Львовых, и как вспомню этот визит – вою. Я решился, было, что это последняя попытка женитьбы, но и то ребячество»⁴².

В дневнике мы встречаем еще новые имена, например, имя кн. Е. Н. Трубецкой⁴³, но лица эти не производили, должно быть, большого впечатления; о них нет почти никаких подробностей. Только на Екатерине Федоровне Тютчевой (дочери поэта) внимание Толстого задерживается на несколько месяцев.

Краткие записи дневника восстанавливают полную картину.

«29–31 декабря 1857 г. – Тютчева начинает спокойно нравиться мне.

1 января 1858 г. – К[атерина] очень мила.

7 января. – Тютчева вздор!

8 января. – Нет, не вздор. Потихоньку, но захватывает меня серьезно и всего.

19 января. – Т. занимает меня, неотступно. Досадно даже, тем более, что это не любовь, не имеет ее прелести.

20 января. – М. Сухотину⁴⁴ с язвительностью говорил про К. Т. И не перестаю думать о ней. Что за дрянь! Все-таки я знаю, что я только страстно желаю ее любви, а жалости к ней нет.

21 января. – К. Т. любит людей только потому, что ей Бог приказал. Вообще она плоха. Но мне это не все равно, а досадно.

26 января. – Шел с готовой любовью к Тютчевой. Холодна, мелка, аристократична. Вздор! Чичерина мила, очень неразвита, кажется.

1 февраля. – Бал в Собрании. Чичерина мила. С Тютчевой уже есть невольность привычки⁴⁵.

8 февраля. – Т. Очень я проврался... про удобство жены не аристократки, г Она наводила речь на П. Щ[ербатову]. За чем стоит дело, не знаю⁴⁶.

8-10 марта. – Был у Тютчевой. Ни то ни се, она дичится. В концерте видел Щерб[атову] и говорил с ней. Она мила, но меньше.

28 марта. – Увы, холоден к Т. Все другое даже вовсе противно.

31 марта. – Тютчева положительно не нравится».

И затем, спустя 5 месяцев: «Я страшно постарел, устал жить в это лето. Часто с ужасом случается мне спрашивать себя: что я люблю? – Ничего, положительно ничего. Такое положение бедно. Нет возможности жизненного счастья, но зато легче быть вполне человеком духом,

⁴¹ Кн. Львова Александра Владимировна (1835–1915). Начальник Моск. Ал-дровского и Ник-ского институтов.

⁴² В семье Львовых сохранились воспоминания об этом увлечении Толстого. Л. Н-ч бывал у Львовых в Москве и в их имении Спасском Клинск. у. С Александрой Владимировной дело, видимо, шло к сближению. Но однажды в словах Л. Н-ча Львовой что-то показалось неприятным, и она резко дала ему это почувствовать. Тут же все оборвалось, и на следующее утро Л. Н-ч уехал из Спасского. С его отъездом связана такая подробность. В это утро сестра Ал. Вл. – ны, Мария Вл., комната которой находилась под террасой, услышала какую-то возню на террасе и, взглянув, увидела, что Толстой связывал два стула друг с другом. Он оставил их, так и уехал на станцию не простясь. По другому семейному преданию, это сближение прекратилось после того, как Л. Н-ч попытался однажды начать объяснение (происходило это между двух дверей). Ал. Вл., застигнутая врасплох, не дала его договорить и Л. Н-ч уехал. Когда Ал. Вл. через три года узнала о помолвке Толстого, ей стало дурно. Львовы находили некоторое сходство между объяснением Л. Н-ча с Ал. Вл. Львовой и объяснением брата Левина с Варенькой. (Сообщено нам племянницей Львовой, М. С. Волковой). Возможно, что рассказанный здесь эпизод совпадает по времени с записью дневника Л. Н-ча от 9 октября 1859 г. Судя по этой записи, Л. Н-ч был у Львовых в августе.

⁴³ Кн. Трубецкая Екатерина Николаевна (1840–1885). Вышла замуж за кн. Орлова Н. А. (1827–1885).

⁴⁴ Михаил Михайлович Сухотин (1825–1881).

⁴⁵ «Правда ли, что Толстой женится на дочери Тютчева? Если это правда, я душевно за него радуюсь», – 24 февраля 1858 г. из Рима писал Фету Тургенев. («Щук. сб.», т. 8, стр. 435. – Гусев Н. Биограф., т. II, с. 279).

⁴⁶ В дневнике 30 января 1858 г.: «П. Щербатова прелесть. Свежее этого не было давно». Об этом увлечении Л. Н-ч писал П. И. Бирюкову (24 ноября 1903 г.). «Едва ли она знала что-нибудь. Я был всегда очень робок».

«жителем земли, но чуждым физических потребностей». Я в Москве. Дело задержит меня с неделю. Виделся... с Тютчевой. Я почти был готов без любви спокойно жениться на ней; но она старательно холодно приняла меня».

Еще через полгода он пишет А. А. Толстой: «К. Тютчева была бы хорошая, ежели бы не скверная пыль и какая-то сухость и неаппетитность в уме и чувстве... Иногда я езжу к ним и примериваю свое 30-летнее спокойствие к тому самому, что тревожило меня прежде, и радуюсь своим успехам».

Стремление Толстого к личному счастью всякий раз, как приближается оно к осуществлению, не вызывает живого непосредственного отклика в сердце. На своем пути также не встречает он женщины, которая дала бы ему иллюзию любви, благодаря совпадению жизненных целей. И это различное мировосприятие помогает Толстому разобраться в его отношении к Е. Ф. Тютчевой. Она «слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла печь моральные конфетки, а я воюсь с землей, с навозом. Ей это грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали моральные конфетки», – через несколько лет написал о ней Лев Николаевич.

Раньше, чем перейти к описанию новой страницы жизни, необходимо отметить, что после разрыва с Арсеньевой чувственные проявления инстинкта некоторое время остаются такими, как и прежде. Даже впечатления от первого путешествия за границей не вытесняют вожделений, и в записях о поездке по Швейцарии Толстой подчеркивает свое особое внимание к женщине.

В Кларане записывает: «Служанка тревожит меня. Спасибо стыдливости». – «Сл[адо-страстие] мучает ужасно меня».

В другом месте: «Красавицы везде с белой грудью». – «Еще красавицы... Доехал до Берна». – «Красавица с веснушками. Женщину хочу – ужасно. Хорошую». – «Несмотря на головную боль, пошел ходить. Жалкое создание... И я скотина!» – «Красавица на гулянье – толстенная». – «Поехал верхом. Духи сена, круглые фруктовые деревья; на деревьях женщины и мужчины рвут вишни и поют по-тирольски, небо все обстоятельное, лазурь разлита повсюду. Зугское озеро синее. Дома любовался хозяйской дочерью, даже было что-то легкое, сладкое воспоминание о ней, когда я вернулся в комнату. У нее милая физиономия и улыбка, и она умна, даже рефлектерка немножко». Через день: «Пошел пешком, кретины. Милый народ, шутиливо кретинически добродушный. Старушка с зонтиком. *Девочки. Две девочки* из Штанца заигрывали, и у одной чудные глаза. Я дурно подумал и тотчас же был наказан застенчивостью. Славная церковь с органом, полная *хорошеньких*. Пропать *общительных* и *полухорошеньких*... Пошел пешком по ореховой аллее до Бекенрида. Встреча с молодым красивым немцем у старого дома на перекрестке, где *две хорошенькие*». Еще спустя день: «Встал в 3. Грязная постель с клопами. Тот же глупый вид на природу и на людей... Ай! когда солнце показалось! Вчера, впрочем, была одна поэтическая минута, когда среди беспредельного моря тумана остановился зачем-то тут, а не там огненный шар солнца. Чудные виды внизу. Доехали на лодочке. *Хозяйская дочь* вертится. Слишком величественна... Спал, выкупался и поехал в Люцерн на лодке. Англичанка вычистилась и мила, прелесть. Потом встретил *маленькую*, но убежал от нее. Ужинал с пастором и его семейством. Славный человек».

Через несколько месяцев по возвращении из-за границы, в период своих светских увлечений, Толстой вступает в связь с замужней крестьянкой Аксиньей А. Связь эта продолжается долго и оставляет в Толстом большой след. Через многие годы она находит отражение в «Дьяволе» – в одном из самых страстных художественных произведений Льва Николаевича. Отдельные записи дневника дают представление о характере этой связи.

«Чудный Троицын день. Вянущая черемуха в корявых рабочих руках; захлебывающийся голос Вас[илия] Дав[ыдкина]. Видел мельком А[ксинью]. Очень хороша. Все эти дни ждал

тищетно. Нынче в большом старом лесу. Сноха. Я дурак, скотина. Красный загар, глаза... Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли. Мучаюсь. *Завтра все силы*».

Через месяц: «Она мне постыла».

Через год после этого: «Об А. вспоминаю только с отвращением, о плечах».

Еще через полгода: «А. продолжаю видать *исключительно*». После этого спустя полгода: «Ее не видал. Но вчера... мне даже страшно становится, как она мне близка». «Ее нигде нет – искал. Уже не чувство оленя, а мужа к жене. Странно, стараюсь возобновить бывшее чувство пресыщения и не могу. Равнодушие трудовое, непреодолимое – больше всего возбуждает это чувство».

Последняя запись очень интересна. Она указывает на большую перемену, происшедшую в настроениях Толстого. Прежде желание распространялось на многих женщин, которых случайно встречал он, и, несмотря на упорную мысль о близком, полном духовного смысла браке, несмотря на возвышенный идеал будущей жены, оно доходило иногда до физической боли. Теперь же обычная безответственная связь помещика с крестьянкой постепенно достигает такой силы, что начинает поглощать все внимание, сосредоточивать всю силу страсти на одном объекте, не вызывая прежнего негодования и протеста совести. Раньше сознание пыталось осуществить идеал целомудренной любви, а непосредственные проявления инстинкта были в полном противоречии с этим стремлением. На этот раз сознание не ставит перед собой больших задач. Оно готово рассматривать случившееся как один из эпизодов холостой жизни, но сама природа, помимо сознания, придает этой связи повышенную ценность и теплоту.

Инстинкт проявляется в этом периоде не как «чувство оленя», а как отношение «мужа к жене». Прекратилось мучительное разделение инстинкта на две силы: силу любви и силу чувственности. Наконец, и в непосредственном проявлении, а не только в сознании сладострастие потеряло свое преобладающее значение.

Силы половой жизни перегруппировались таким образом, что главенствующим *непосредственным* переживанием стало *чувство* любви к жене, а не «сладострастие». Сама природа подготовила близкую женитьбу Толстого.

Мы знаем, как страстно, с 15 лет, мечтает Лев Николаевич о браке. Все попытки в этом направлении были неудачны, а ушедшие годы для счастья не вернуться. «Уж у меня мог бы быть такой сын», – записывает он, увидав у знакомых мальчика. Известия о свадьбах возбуждают в нем «грусть». Ему завидно и радостно «смотреть на... семейное счастье» Фета. И не один раз он окончательно решает: «жениться надо, надо и жить в своем уголке», «надо жениться в нынешнем году, или никогда». Но любовь не приходит, не «вяжет его по рукам и ногам», «любви нет», и «холостая жизнь, т. е. отсутствие жены, и мысль, что уж становится поздно», мучает его.

VI

Однажды Лев Николаевич сказал своей сестре Марии Николаевне:

«– Машенька, семья Берс мне особенно симпатична, и если бы я когда-нибудь женился, то только в их семье»⁴⁷.

Сестры Берс давно уже обращали на себя внимание Толстого. По возвращении из Севастополя он посещает их семью и в дневнике записывает: «Обедали у Люб [очки] Берс»⁴⁸. Дети нам прислуживали. Что за милые, веселые девочки»⁴⁹. Через два года, в день именин Л. А.

⁴⁷ Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. I. С. 75.

⁴⁸ Любовь Александровна Берс, урожд. Иславина (1826–1886), мать сестер Берс, подруга М. Н. Толстой.

⁴⁹ Дневник, 26 мая 1856 г.

Берс, он обедает у них и снова отмечает: «Милые девочки!»⁵⁰ Позднее их дом «стал посещать Лев Николаевич всякий раз, как он приезжал в Москву». Его «частые посещения... вызывали в Москве толки, что он женится на старшей сестре Лизе»⁵¹. Пошли намеки, сплетни, которые доходили и до нее... Лиза сначала равнодушно относилась к сплетням, но понемногу и в ней заговорило не то женское самолюбие, не то как будто и сердце», – пишет ее сестра Т. А. Кузминская. Она утверждает, что эти намеки и сплетни воспитали в Елизавете Андреевне любовь к Толстому, и опускает вопрос, – был ли он сам увлечен ею.

«Лев Николаевич ни на кого из нас не обращал исключительного внимания и ко всем относился равно. С Лизой он говорил о литературе, даже привлек ее к своему журналу «Ясная Поляна», – сообщает Т. А. Кузминская. Но еще за год до женитьбы Толстой заносит в дневник: «Не писал дней 10... Забыл день у Берсов, приятный, но на Лизе не смею жениться». Через несколько месяцев: «Л[иза] Б[ерс] искушает меня; но этого не будет. Один расчет недостаточен, а чувства нет». Я «почти влюбился», – пишет он А. А. Толстой в начале 1862 года, а в мае месяца записывает: «У Берсов свободнее – меня немного отпустили на волю».

И позднее, когда определилось его отношение к Софье Андреевне, Лев Николаевич несколько раз отмечает в дневнике о натянутых отношениях со старшей сестрой: «Бедная Лиза!» «Боже мой! Как бы она была красиво несчастлива, ежели бы была моей женой. Вечером она долго не давала мне нот. Во мне все кипело». Ее «я начинаю ненавидеть вместе с жалостью». «Лиза жалка и тяжела, она должна бы меня ненавидеть».

В воспоминаниях Т. А. Кузминской есть много подробностей того исключительного расположения, которое оказывала Толстому Елизавета Андреевна. Вероятнее предположить, что перемена в нем самом вызывала эту стесненность.

Весною 1862 года Лев Николаевич едет лечиться на кумыс, к башкирам. В августе возвращается в Москву и тут впервые обращает внимание на среднюю из сестер Берс – Софью Андреевну. О ней первая запись в дневнике – *23 августа 1862 г.*: «Ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло!.. Я боюсь себя; что ежели и это желанье любви, а не любовь? Я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны и все-таки оно. Ребенок! Похоже».

16 сентября – предложение.

23 сентября – свадьба.

Не будем описывать историю женитьбы Толстого. Его роман с С. А. Берс подробно освещен в биографиях и особенно – в воспоминаниях С. А. Толстой и ее сестры Т. А. Кузминской. Цель нашей работы другая: проследить, насколько отличается эта любовь от других увлечений Льва Николаевича; попытаться выяснить, действительно ли была это любовь, закономерно завершившаяся браком, или только «желание любви», причем особые качества Софьи Андреевны и минутная слабость 34-летнего холостяка понудили его на роковой шаг.

При оценке этого события, равно и других эпизодов личной жизни молодого Толстого, следует остерегаться большого соблазна – строить доказательства на основе тех настроений, которые были у него в старости. Возможно, что исследователь совершенно бессознательно перенесет характерные для этой эпохи черты на другой период жизни или, зная отношение Толстого к определенному вопросу в старости, разрешит проблему в соответствии с этим отношением. Для иллюстрации приводим выдержку из дневника 1893 г. (23 мая; курсив мой): «Вспоминал: что мне дал брак? Страшно сказать». И вот, сознательно или бессознательно подчиняясь такому настроению, мы стали бы утверждать, что брак Льва Николаевича был

⁵⁰ Дневник, 17 сентября 1858 г.

⁵¹ Елизавета Андреевна Берс (1843–1919). В 1868 г. вышла замуж за Гавриила Емельяновича Павленкова (ум. 1892). В 80-х гг. вышла за своего двоюродного брата Александра Александровича Берса (1844–1921).

только недоразумением, что еще в самом начале была ясна его нелепость и что определенные цитаты и события вполне подтверждают наше положение. Учтя эти выводы, мы прекратили бы объективное изучение фактов и допустили бы не отвечающую действительности тенденциозность. Чтобы избежать ошибки, мы не принимаем теперь в расчет последствия этого брака, тяжелую семейную обстановку последних лет и отношение Льва Николаевича к его женитьбе и к Софье Андреевне в последующие годы. Рассмотрим непосредственные переживания Толстого, которые нашли отражение в дневнике того периода, и по этим бесспорным свидетельствам сделаем наши заключения.

Прежде всего поражает темп, в котором развиваются события. Шесть лет тому назад, когда Лев Николаевич собирался жениться на Арсеньевой, он несколько месяцев потратил на изучение ее характера и предъявлял к ней самые высокие требования. Теперь же все произошло в несколько недель.

Ни Арсеньева, ни Тютчева, ни Львова, ни другие не дали Толстому ощущения живой радости. Беспощадный анализ оттенял отрицательные стороны и указывал на полную невозможность осуществления планов женитьбы. На этот раз он мало анализирует, но непосредственно чувствует, что выбор вполне совпадает с его общим настроением. «Накануне я не спал ночь, так ясно представлялось счастье». «Никогда так ясно, радостно и спокойно не представлялось мне будущее с женой... Главное, кажется, так бы просто, в пору, ни страсти, ни страху, ни секунды раскаяния».

Но Льву Николаевичу уже 34 года, а Софье Андреевне только 18 лет. Он некрасив, «безобразен», она – «прелестна, во всех отношениях». Разница в возрасте мучает его, и минутами он думает, что личное счастье ему недоступно. «Скверная рожа, не думай о браке, твое призвание другое и дано зато много». «Дурак, не про тебя писано, а все-таки влюблен, как в С[оницу] К[олошину] и в А.»⁵². «Крепко сидит 3-я и последняя. Не про тебя, старый черт, пиши критические статьи!»⁵³ «Ныне один дома, и как-то просторно обдумывается собственное положение. Дублицкий⁵⁴, не суйся там, где молодость, поэзия, красота, любовь... Монастырь, труд, – вот твое дело, с высоты которого можешь спокойно и радостно смотреть на чужую любовь и счастье, – и я был в этом монастыре и опять вернусь».

Подготавливая свою будущую жизнь с Арсеньевой, Лев Николаевич определял каждый шаг, изгонял всякую непосредственность отношений, считал преступлением необдуманное движение сердца, и брак рассматривал как один из самых сознательных поступков жизни.

При встрече с С. А. Берс он также пытается изучать свою будущую жену, анализировать создавшееся положение, но все эти попытки теряются, исчезают под напором непреодолимой силы стихийного влечения. «Ничего нет в ней для меня того, что всегда было и есть в других – условно-поэтического и привлекательного, а неотразимо тянет».

Толстой не задается больше мыслью, насколько выбор отвечает его запросам и тому идеалу, который он давно уже создал себе. Он не обдумывает, не критикует, он чувствует себя во власти непонятной силы, сознает свое бессилие бороться с ней и понимает, что только взаимная любовь избавит его от страданий и приведет к душевному успокоению.

«Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться». «Уехать из Москвы не могу, не могу... До 3-х часов не спал. Как 16-летний мальчик мечтал и мучился». «Господи! помоги мне, научи меня. Опять бессонная и мучительная ночь, я чувствую, я, который смеюсь над страданиями влюбленных. Чему посмеешься, тому и послужишь... Господи, помоги мне, научи меня. Матерь Божия, помоги мне». «Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать

⁵² Дневник, 30 августа 1862 г. Ал-дра Ал-евна Дьякова-Оболенская.

⁵³ Дневник, 31 августа 1862 г.

⁵⁴ «Лицо в повести С. А. Берс, напоминавшее Льва Николаевича». (Примечание С. А. Толстой к «Письмам графа Л. Н. Толстого к жене».)

и вместе быть счастливым, и каждый день я становлюсь безумнее... Боже мой, как я боюсь умереть. Счастье, и такое, мне кажется, невозможно. Боже мой, помоги мне». «Никто не может помочь мне, кроме Бога». «Но надо, необходимо надо разрубить этот узел». «Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится».

После объяснения с Софьей Андреевной Лев Николаевич настаивал, чтобы свадьба была через неделю, и настаивал так упорно, что ему уступили, и свадьба была назначена на 23 сентября. В этот день он не спал ночь, мучился сомнениями и был полон «страха, недоверия и желания бегства».

Какая разница настроений при встрече с В. В. Арсеньевой и при встрече с С. А. Берс! Здесь впервые контролирующее сознание уступает место безотчетному стремлению. Действие развивается вне зависимости от личной воли. Личные интересы подчиняются требованию неосознанного закона.

Внимание Толстого было обращено на двух сестер Берс. Если Арсеньева и Тютчева оттолкнули своей духовной бедностью, то почему старшая Берс точно так же не могла удержать его расположения? У нее были повышенные требования к жизни, она стремилась к образованию, сотрудничала в журнале «Ясная Поляна», могла бы, вероятно, отвечать на многие запросы Льва Николаевича, но все же он оставляет ее и все силы стремления переносит на Софью Андреевну, в сущности, ничем не выделявшуюся над общим уровнем и, наверное, далеко не удовлетворявшую всем требованиям, которые предъявляло к жене сознание Толстого.

Нам известны факты личной жизни Льва Николаевича, его представления о любви, его требования к жене. Мы, казалось, имели основание утверждать, что он женится только в том случае, если его будущая жена удовлетворит тем-то и тем-то условиям, и что выбор его никогда не остановится на той женщине, которая не будет отвечать таким-то его запросам. Опыт с Арсеньевой мог бы, казалось, убедить нас, что воля Толстого руководит всей его жизнью, не исключая области сексуальной. Мы видели, что увлечения его не находили своего завершения и, видимо, потому, что объекты не удовлетворяли основным требованиям его сознания. Но холостая жизнь закончилась совершенно неожиданным образом. Выработанные нормы были забыты, воля бессильна выставить свои требования и отстаивать свои желания. Вернее, она отсутствовала здесь и, в этом вопросе личной жизни, быть может, в первый раз.

Такой конец может навести на мысль, что Толстой поддался минутному настроению и настолько был захвачен страстью, что духовные силы его ослабели, и он, ослепленный вниманием молодой девушки, потерял руководящую нить разума и совершил один из самых необдуманных, ничем не обоснованных и внутренне не оправданных поступков своей жизни. Недаром же, в последнюю минуту хотел он бежать, но было поздно; Софья Андреевна плакала, разрыв компрометировал молодую девушку, и Лев Николаевич, как бы начиная сознавать нелепость своего поступка, волей-неволей пошел на роковой шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.